

5. GENERAL CONCLUSIONS. THE STRUCTURE OF SOCIETY AND THE MODE OF PRODUCTION

The author summarises his findings with regard to the structure of society in the Near East in the third and first half of the second millennium B. C., in particular with regard to the stratification of socio-economic classes.

The great mass of exploited people in the ancient Near East, who cannot be fitted into existing classical definitions of the category «slave», are usually called «serfs» in the West. But this term does not suit, since the people in question were not endowed with the principal and characteristic quality of the feudal dependent peasantry: participation in ownership of the means of production, at least in some degree. They were, like slaves, deprived of acknowledged property rights in means of production, and shared with slaves and serfs the condition of being forced to work for their masters not so much by economic necessity as by direct compulsion exercised by the state. In this sense they were economically closer to slaves (in some respects to helots) than to any other category. Slaves in the strict sense of persons possessed of absolutely no civil rights, who were themselves the property of their masters, are found only in comparatively small numbers in this society, forming one of the sub-categories of the exploited class — the class of «ancient unfree persons of the slave type».

The ancient socio-economic formation is characterised as a whole by the presence of the following features: (1) an exploited class of the type described above, which includes slaves in the strict sense but is not confined to them, (2) a large category, surviving from primitive society, of free cultivator-citizens, who were always organised in one or another sort of communal group (the types range from the extended-family commune to the *polis*), and (3) a two-sector economy of which the components — communal-private and state — are found in quantitatively and qualitatively different combinations. This formation may be seen to embrace not only the economy of ancient Asia and the ancient European Mediterranean countries, but, it would seem, also the economy of pre-colonial Africa and America and the so-called «pre-feudal» societies of northern and eastern Europe (Scandinavia and Kiev Russia). As for the mediaeval («feudal») economy, although the typological break between it and the economy of the ancient world is considerably less sharp than between the mediaeval and capitalist economies, still several features, peculiar to each of these types alone, make it necessary to retain the distinction between the ancient and the mediaeval socio-economic formations.

Corrigendum

In VDI, 1968, № 3, p. 26 the last sentence of the first paragraph of the English summary of the article «Problems of Economics» should read:

Accordingly, the expression «communal sector of the economy» will in this article have the meaning «the sector of the economy embracing the economic units based on the full ownership of land lying outside the state land fund by citizens enjoying full citizenship rights».

К. М. Колобова

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА *

В ОЗВРАЩЕНИЕ ахейцев после победы над Троей (около 1200 г. до н. э.) было последним звеном их могущества. Гибель Пилосского дворца (около 1200 г.), несколько позже пожар уничтожил дворец в Микенах, а через некоторое время опустел Тиринф (приблизительно между 1200—1190 гг. до н. э.)¹.

Ослабление основных ахейских центров Фукидид объясняет междоусобицами, возникшими в ахейских дворцах: «Даже и после Троянской войны, — пишет он, — в Элладе все еще происходили перемещения жителей, так что страна не знала покоя и потому не преуспевала. Возвращение эллинов из-под Илиона замедлилось, что повело к многочисленным переменам: в городах возникали по большей части междоусобные войны, вследствие которых изгнанники стали основывать новые города» (I, 12).

Мифы, сохраненные Гомером и особенно трагиками, совпадают с изложением Фукидида: легенды о споре между Атреем и Фиестом, о вероломном убийстве Агамемнона Эгисфом и Клитемнестрой во дворце, о мстителе Оресте. Из героев Троянской войны своевременно вернулся Агамемнон, вскоре же убитый, затем Нестор (Пилос) и Тидей (Аргос). Менелай блуждал более 18 лет, Одиссей отсутствовал в течение 20 лет, тогда как эпигоны-женихи добивались власти над Итакой, а Эакиды — над Саламином².

Борьба за власть младшего поколения героев ярко выступает в греческой мифологии. Мифы фиванского цикла, повествующие о ряде преступлений во дворце Кадма, о роке, тяготеющем над Фивами, о гибели последних отпрысков царского дома в братоубийственной войне (Полиник и Этеокл) выделяют Фивы из других городов, нагромождая в нескольких поколениях царского дома преступления, одно кошунственнее другого. В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» рассказывается о братоубийственной войне за обладание Фивами Этеокла и Полиника, бежавшего в Аргос. В. Н. Ярхо в своей интересной монографии «Эсхил» трактует трагедию «Семеро против Фив», единственную сохранившуюся трагедию из Фиванского цикла Эсхила, как олицетворение враждебных сил эллинской

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по проблеме перехода доклассового общества в классовое, состоявшемся 6—8 декабря 1966 г. в гор. Москве.

¹ Следую датировкам Милонаса: G. E. Mylonas, *Mycenae and the Mycenaean Age*, Princeton, Prin. Univ. Press, New Jersey, 1966, стр. 236.

² Там же, стр. 226.

демократии и восточного деспотизма, как борьбу греков (Фивы) с персами (Аргос). Эта трактовка не исключена, поскольку каждый миф мог и должен был пониматься в смысле, близком современникам Эсхила. Однако в свете новых открытий, связанных с раскопками Кадмейского дворца, междоусобная борьба фиванцев Кадмеи оказывается той исторической основой, которая дала возможность Эсхилу трактовать две группировки враждующих между собою братьев как группировки иноязычные. Найденные во дворце цилиндры-печати на аккадском языке подтверждают наличие в Фивах двух языков. Правда, Эсхил в речи Этеокла подчеркивает, что в Кадмее «звучит Эллады речь» (ст. 72—73), а в речи хора, в обращении к богам и богиням содержится просьба «не предавать теснимый копьями город войску, говорящему на другом языке» (ст. 166—172). Таким образом, древняя Кадмея была и в самом деле двуязычной; вполне возможно, что из древних и утерянных для нас источников двуязычность этого города была известна Эсхилу, и он воспользовался этим, чтобы передать Полинику «войско, говорящее на чужом языке». Этим, вероятно, и можно объяснить, что, не сочувствуя Полинику, Эсхил приписывает аргосскому войску инородный язык, а Фивам — греческий³. Гибель Кадмеи (Фив) произошла до Троянской войны, и междоусобная борьба в Фивах закончилась разрушением второго кадмейского дворца⁴. Гибель Фив в современной литературе датируется приблизительно ПЭ III В периодом (около 1300—1190 гг. до н. э.)⁵, и кадмейцы (так называли Гомер фиванцев) не участвовали в походе на Трою.

Внутренняя борьба и разрушение Кадмеи, свидетельство Фукидида о перемещении жителей и междоусобных войнах, развитие пиратства, нападения на неукрепленные города (ср. Пилос), необходимость для народов Микенской Греции всегда иметь при себе оружие, — также подчеркивается Фукидидом (1,5—6) как наиболее характерные черты, указывающие на небезопасность и жилищ и путей сообщения.

Связь Микен с Коринфом тремя дорогами, снабженными наблюдательными постами и караульными помещениями, как это показывает Милонас, исключало возможность неожиданного вторжения. Однако дома вне стен микенской цитадели продолжали существовать, и ценные материалы, находящиеся в них, не были вывезены⁶. Д. Френч установил, что разрушение домов вне цитадели произошло не в конце, а в середине ПЭ периода, т. е. примерно на 50 лет раньше 1200 г. до н. э.⁷ После 1200 г. наблюдаются некоторые попытки восстановлений на территории Микен: расширено зернохранилище, появляются новые веяния в художественном стиле керамики, прототипы которой доходят до Сирии и Палестины. Однако ослабление Микен и запустение ряда территорий указывает на глубокий кризис микенского общества на территории Пелопоннеса. Десборо предполагает наличие в Микенах трех катастроф: первое — разрушение

³ Арголиду, согласно Гомеру, Пелопс передал вместе с полученным им от Зевса скипетром Атрею, «пастуху народов»; Атрей передал его в наследство Фиесту, «богатому стадами»; Фиест же — Агамемнону — править многими городами и всем Аргосом (II. II, 100—108). Интересно отметить, что Гомер не раскрывает здесь трагической и жестокой борьбы двух родственных фамилий за власть. Ср. также, II. II, 569 сл. (владения Агамемнона).

⁴ Несомненно, что во всех этих областях и, конечно в Аргосе в том числе, говорили в микенское время по-гречески.

⁵ Г. Милонас полагает, что Троя пала несколько раньше 1200 г. до н. э., как это предполагали обычно; единственная возможная дата падения Трои — конец XIII в.; разрушение первого Фиванского дворца — начало XIII в., второе и окончательное разрушение — в течение XIII в., т. е. ПЭ III В период (1300—1190 гг. до н. э.).

⁶ Ср. M y l o n a s, ук. соч., стр. 221.

⁷ См. D. F r e n c h, Pottery Groups from Mycenae, BSA, 58 (1963), стр. 50.

дворца цитадели в результате пожара (ПЭ III В); второе разрушение того же дворца около 1200 г. до н. э. произошло также в результате пожара; с этим связано разрушение мест в Арголиде и запустение мест, покинутых жителями (около 1200 г.). Третье разрушение (уже окончательное) имело место в самом конце микенского периода.

«В течение XII в. до н. э., — указывает Милонас, — Микены и Тиринф еще имели жителей, хотя количество их уже сильно поредело, как это подтверждается данными раскопок. Зигуриес был покинут жителями, но многие другие местности (Асинэ, Навплия, Мидея, Аргос, может быть, Просимна) сохраняли прежнюю активность, населенными оставались районы Коринфа и Ахайя. Спокойное существование наблюдается и в Аттике, которая и в этот период не прерывает связей с Малой Азией и Кипром» (ук. соч., стр. 230).

Полного разрыва контактов микенского мира с Кипром, Сирией и Палестиной не было, насколько можно судить по сосудам микенского типа, датированным XII веком. Однако, по сравнению с предшествующим периодом, в XII в. наблюдается упадок, все более прогрессирующий.

Около 1120 г. появились, как предполагает Милонас, и дорийцы, двигаясь волнами в течение длительного периода времени к югу, став хозяевами большей части Пелопоннеса.

Проблема «дорийского вторжения» по-прежнему продолжает занимать умы ученых. Загадочным остается отсутствие каких-либо явных следов дорийского вторжения. Обычно предполагают, что захват дорийцами Лаконики длился около 150—200 лет; дорийцам пришлось вступить в договор с Амиклами, чтобы открыть доступ к южным районам Пелопоннеса. Возникает невольно вопрос — могли ли дорийцы захватить, разграбить и сжечь великолепно укрепленный Микенский дворец, если они отступили перед Афинами, а позже не могли совладать с Амиклами? И это несмотря на преимущество железного вооружения перед бронзовым?

Нам кажется, и в этом трудно не согласиться с Милонасом, что появление дорийцев совпало с периодом обесслабления некогда могущественных ахейских государств Пелопоннеса.

Одновременно с появлением дорийских племен, обладающих железным вооружением, рухнула уже обветшавшая бюрократическая система управления, а с ними исчезли специалисты-писцы, обслуживавшие хозяйство дворцов. Не сохранилось и слоговое письмо, которое в дальнейшем не оставило никаких следов своего существования⁸.

Однако несмотря на гибель ахейских дворцов микенская цивилизация оставила глубокие следы в дальнейшей истории греческого мира. И возможно, что всем этим мы обязаны дворцу Эрехтея в Афинах, единственной цитадели, не подвергшейся завоеванию; поэтому на значительный период времени Афины оказались центром, принимавшим беглецов из государств Пелопоннеса: знать, ахейских аэдов, ремесленников, обладавших высокой техникой бронзовой культуры, гончаров, искусство которых прежде всего сказалось в изумительной выделке дипилонской керамики.

Наследие микенской культуры прежде всего сказалось в эпосе Гомера, который стал общегреческим эпосом, знаменовавшим единство греков и греческой культуры. Гомеровский эпос в течение ряда веков стал универсальной энциклопедией греческого мира; гомеровские вожди ахейцев, так же как и герои Трои, были окружены культовыми почестями;

⁸ Для того чтобы письменность пережила падение государств, было необходимо, чтобы она не ограничивалась нуждами дворцового хозяйства, но была связана и с литературой; может быть, именно поэтому письменность Кипра, заимствованная с Крита, существовала еще и в VII—VI вв. до н. э.

поэтому было бы сакральным преступлением называть своих детей именами гомеровских героев. Ахейские и троянские герои Гомера стали общегреческим достоянием, так же как гомеровский пантеон и пребывание богов на Олимпе в дальнейшем вошли в плоть и кровь греческой полисной религии.

Районы, занятые впоследствии ионийцами, становились передовыми центрами греческой цивилизации. Поэтому мы не можем не согласиться со Старром в том, что «позднебронзовый век проложил путь более позднему развитию. Там, где ранее существовала микенская цивилизация, концентрировались и районы греческой культуры»⁹. Греческий язык гомеровских поэм создал основу греческого литературного языка, и не случайно первый ионийский натурфилософ Фалес писал свои философские произведения еще не прозой, но гомеровскими гекзаметрами¹⁰.

Бесписьменность греческих племен в период так называемого «темного века», наступившего после опустошительных событий XII—XI вв. до н. э., частые передвижения, о которых впоследствии говорил Фукидид, скудные данные погребений и так называемой «субмикенской керамики» не дают возможности с большей или меньшей степенью достоверности характеризовать историю социально-общественного развития греческих племен и народностей вплоть до начала VIII в., когда темная ночь, опустившаяся на Грецию, начинает постепенно все более проясняться. Однако события VIII в. до н. э. дают основание лишь для вывода о том, что ранние стадии развития греческих племенных общин, заселивших территории южных Балкан, остаются за пределами, недоступными для исследования.

Греческий род (γένος) выступает перед нами во всех письменных источниках, начиная с поэм Гомера, как продукт уже значительно более позднего развития, имеющего мало общего с первоначальной родо-племенной организацией. И даже отношения «матриархата», засвидетельствованные у локров и у лидян, также не являются продуктом естественно развившихся матриархальных отношений этих древних племен.

Иначе говоря, после ряда веков, отделяющих греческое общество от микенского, мы не можем претендовать на исследование, которое раскрыло бы перед нами постепенный переход от родового строя к классовому обществу на территории греческих племен. Греческий γένος в доступный для исследования период мог означать выделившуюся на основе родовых связей в особый класс — родовую знать, отделенную от остального народа своими родовыми преимуществами и правами; причем эти права узурпировались в узко ограниченных интересах своего рода, восходящего, как правило, к своему божественному прапредку (богу или богине), связанному с изначальной генеалогией каждого данного рода.

Однако в гомеровских поэмах, как правило, генеалогия царских семей сильно укорочена; это — характерная черта более позднего времени. У Атрея только два сына — Менелай и Агамемнон; Менелай умирает бездетным; у Агамемнона — один сын, Орест. У Лаэрта один сын — Одиссей, у Одиссея — Телемах. Этот позднейший «род» в горизонтальной плоскости оказывается сильно суженным до предела моногамной семьи¹¹,

⁹ Cp. Ch. G. Starr, *The Origins of Greek Civilization*, L., 1962, стр. 43.

¹⁰ Несмотря на миграцию знати, ремесленников, связанных с дворцовыми хозяйствами, аэдов, основное земледельческое население Пелопоннеса и даже часть знати оставались на прежних местах. Ср. погребения в Трагана (Трифилия) ПЭ II, кремация в Просимне (погр. 41) конца микенского периода, в Перати 11 кремаций ПЭ III (сводка в кн. Милонаса, стр. 112); ср. также синонимизм ахейских Амикл со Спартой, тирании Сикиона и Коринфа, где явно различаются дорийские и ахейские слои.

¹¹ Хотя троянцы собственно ни в чем не отличаются от ахейцев, однако Гомер ясно показал более отсталый «род» Приама: у него под одной крышей жили 50

зато выступает на первый план генеалогическая временная вертикаль, поскольку знатность рода определяется не просто его древностью (в принципе все вообще продолжают восходить к некоему мифическому предку-родоначальнику), но как раз количеством промежуточных ступеней, позднее отмеченных именами архонтов и других почетных должностных лиц, а ранее — именами басилевсов. Процесс разложения рода на отдельные семьи, выражающийся в обособлении рода басилевсов, совершается и в других родах. Постепенно образуется знатная родовая верхушка, зародыш будущих «знатных родов».

Процесс распада первоначального рода на отдельные семьи совершался во всей массе родового общества. Отсутствие права свободного отчуждения и свободного наследования еще удерживало семейно-родовую собственность в пределах рода, но наследование от отца к сыну прочно вошло в родовую традицию.

Более древнее поколение ахейских героев представлено в лице Нестора, бывшего двенадцатым и единственно уцелевшим сыном Нелея; у самого Нестора — семь сыновей, из которых один погиб в битве с троянцами. В связи с представлением о Несторе, долголетие которого равнялось трем поколениям, связан и его совет о разделении войска на фратрии и филы; совет вызывает восхищение ахейцев мудростью Нестора, хотя в организации ахейской рати совет не осуществляется на практике, как явно несоответствующий дружинному характеру боя¹². Однако слова Нестора не случайно признаются мудрыми, ибо этот совет, не приложимый в данном случае к ахейскому войску, относился к мудрости современного Гомеру века, когда фратрии и филы уже служили основой военного строя греческих городов.

На территориях, подвергшихся племенной миграции как Южной, так Средней и даже Северной Греции (Фессалия), там, где существовали ранее ахейские государства, они оказали влияние на формирование государств греческого типа¹³. Но, конечно, наиболее сильное влияние сказалось в Афинах, хотя и затронутых постоянным перемещением соседних племен и притоком эмигрантов, но сохранявших первоначально ионийский характер общественного строя с басилевсом микенского типа во главе.

Следует принять во внимание, что во главе Микен и «Менелайона» (вблизи Спарты) стоял род Атридов, в Пилосе — Нелеидов, в Фивах — Каадмидов (позже и Кериков), в Афинах — Эрехтеидов. Это уже — явное свидетельство, сохранившееся в преданиях, о примитивной культуре населения ахейских государств.

Необходимо отметить, что вся линия афинских басилевсов матрилинеальна: от Эрехтея до Тесея включительно ни один из правящих на Акрополе царей не родился в Афинах¹⁴. Эгей родил сына Тесея от дочери «священного Питфея» в Трезене, оставив для него меч и сандалины в пещере под огромным камнем. Юноша Тесей, отвалив без труда огромный

сыновей со своими женами и 12 дочерей со своими мужьями (II. VI, 242 сл.); только Гектор и Парис живут отдельно от Приама в домах, расположенных близко от дворца Приама (II. VI, 313).

¹² См. II. II, 360 слл.

¹³ В Спарте ярким выражением влияния ахейских государств явился синойкизм Спарты и Амикл, в результате которого появилось два царя — дориец и ахеец, т. е., иначе говоря, синойкизм должен был проявиться в некоем симбиозе ахейской и дорийской общины. До установления общины равных (после захвата Мессении) лаконские мастера в изделиях из слоновой кости, терракотовых масок, вотивных фигурок вотивов из свинца и в художественной расписной керамике продолжали традиции ахейских мастеров. С этим комплексом находок в храме Артемиды Орфии по времени совпадает творчество Терпандра, Алкмана и Тиртея.

¹⁴ J. T ö p f f e r, *Attische Genealogie*, B., 1889, стр. 162.

камень и приняв отцовское наследство, прибывает в Афины. В царском доме Эгея были смуты, раздоры; к тому же здесь жила и Медея после кровавой расправы с сыновьями, Ясоном и царским домом в Коринфе. Тесей был признан Эгеем в качестве его законного наследника. Против этого (некровного по отцовской линии родства) выступил род Паллантидов, потерпевших, однако, поражение от Тесея.

Все эти кровавые события, характеризующие переходную стадию от матриархата к патриархату, заканчиваются аттическим синойкизмом и торжеством патриархата. Может быть, Е. А. С. Баттерворс не без основания полагал, что в этих событиях отражается переход к патриархату, к религии Аполлона в Дельфах ¹⁵.

Переходя к истории сложения Афинского государства, охваченного в более ранний период микенской культурой, с рядом центров в Афинах (Кекропии), Элевсине, Форики, Бравроне и других местах, ¹⁶ прежде всего следует отметить особое положение Афин, оказавшихся незатронутыми дорийским завоеванием и окруженными новыми потоками переселенцев. Эти новые соседи Аттики несомненно оказывали большое влияние на развитие политического строя. «Аттика, — писал Фукидид, — по причине скудости почвы с самых древних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда была занята одним и тем же населением ¹⁷. И примером не в малой степени доказывающим мое рассуждение, а именно, что из-за переселений прочая Эллада не возрастала одинаковым (с Афинами) образом, является следующее: ибо из прочей Эллады наиболее могущественные (*οἱ δυνατώτατοι*), вытесняемые войной или междоусобной борьбой, удалялись к афинянам, так как те сидели на земле крепко, и становясь тотчас гражданами в Аттике, уже с давнего времени сделали государство еще большим по количеству населения, так что впоследствии, когда земля Аттики уже оказалась недостаточной (для них), они вывели апойкию в Ионию» ¹⁸.

Таким образом, с точки зрения Фукидида возрастающая плотность населения Аттики объясняет ее устойчивость в бурное время передвижения племен и миграционных движений.

Обращает внимание и выделение Фукидидом в первую очередь людей, которых он называет *οἱ δυνατώτατοι*; это означает, что в Аттику бежали прежде всего люди, занимавшие в микенских государствах видное положение. Это подтверждается и сообщениями Геродота, который называет Писистратидов потомками рода Нелеидов (V, 57); к этому же роду принадлежали цари Афин — Кодр и Меланф. Род Гифереев, членами которого были Гармодий и Аристокритон, — беженцы из Эретрии (V, 57); их род был первоначально связан с Фивами и Кадмом, которого Геродот считал финикийцем ¹⁹; Филаиды, к которым принадлежал Мильтиад, возводили

¹⁵ E. A. Butterworth, *Some Traces of the pre-Olympian World in Greek Literature and Myth*, B., 1966, стр. 42 сл.

¹⁶ Ср. у Филохора перечисление 12 городов Аттики (fr. 36): Кекропия, Тетраполия, Эпакрия, Декелея, Элевсин, Афидны, Форик, Браврон, Кифер, Сфетт, Кефисия (FGrG, I, стр. 390). Мы знаем также о басилевсах — Паллакт в Паллене, Кефал из Форики, Муних из Мунихии, Порфирион из Атмона, Колен из Мирринунта, Эвмолп из Элевсина (ср. Plut., *Thes.* 13; *Phreos*, fr. 77; *Ant. Lib.*, 41; *Hell. an.*, fr. 71.; *Paus.*, I, 14, 7; *Hell. an.*, fr. 79, *Phanod.*, fr. 2; *Paus.*, I, 31, 5).

¹⁷ Принимаю чтение: вместо *τὸ ἄλλο-εἰς τὰ ἄλλα* (ср. Schol. Thuc. ABf) = *ῥεσ τὴν Ἑλλάδα κατὰ τὰ ἄλλα αὐτῆς μέρη* и исправление Ульриха *μετοικίσεις* вместо *μετοικίας*. См. A. W. Gomme, A *Historical Commentary on Thucydides*, I, Oxf., 1950.

¹⁸ *Thuc.*, I, 2.

¹⁹ Открытия в Кадмейских Фивах в 1963 г. (находки в Кадмейоне 32 цилиндрических печатей с ориентализирующими сценами, а некоторые и с клинописными надписями) вызывают самые разноречивые суждения. В. Хеммердингер (*V. Hemmerdinger*, *Trois notes...*, REG, LXXIX, № 376—378, 1966, стр. 698 сл.).

себя к Аяксу с о-ва Эгины (VI, 35). Однако род Алкмеонидов Геродот считал исконным афинским родом (V, 62).

Таким образом, в бурный период вторжений племен Афины стали оплотом и местом убежища ахейских эмигрантов, в первую очередь ахейской знати, которую сопровождали *этаῖροι*, певцы и ремесленники. Поэтому вывод Фукидида об усилении Аттики, успешно отражавшей попытки вторжений и захватов ее территории, свидетельствует о глубине аналитической мысли историка. Несомненно, приток новых сил и новых богатств помог афинянам устоять и отстоять свою независимость. Насколько велика была нужда в дополнительной военной силе, подтверждает вновь Фукидид свидетельством о том, что все прибывшие в Аттику тотчас же становились равноправными гражданами микенских Афин.

В то же время следует отметить, что мы застаем Аттику в период падения ахейских государств, среди которых микенские цитадели страны (прежде всего Афины) играли по сравнению с Микенами, Тиринфом и Пилосом второстепенную роль. Возможно, что это обстоятельство, а также сравнительно невысокое плодородие страны имело в это время свои преимущества по сравнению с плодородием Пелопоннеса и богатством микенских цитаделей.

Несомненно также, что афиняне пришли не на пустое место, но встретились здесь с догреческим населением, от которого не осталось следов²⁰. Позже афиняне утверждали, что они заняли необитаемую землю и были ее аборигенами²¹.

Следует отметить, что Афины во II тыс. до н. э. не были единственным центром Аттики. Форик, Браврон, Прасия (совр. Рафти), Ахарны и в первую очередь Элевсин, микенская древность которого подтверждена раскопками, были первоначально самостоятельными центрами. Традиция передает нам имена царей отдельных районов Аттики — Паллант в Паллене, Кефал из Форики, Муних и Мунихии, Порфирион из Атмона, Колон из Мирринунта, Эвмолп из Элевсина²². Между ними происходили частые войны, о которых сохранилась легендарная традиция²³. Сохранилось также предание о существовании некогда брачного запрета между Палленой и Агнунтом (Plut., Thes. 13).

Возможно, что как раз в это трудное время все новых миграционных волн, когда Аттике угрожала опасность и с севера и с юга, и произошло первоначальное объединение общин в целях совместной защиты от врагов, может быть, в форме союза²⁴. Характерно, что оседавшая в Аттике знать со своими *этаῖροι*, вместе с правом убежища и предоставлением гражданства, получала и земли на всей территории Аттики, как можно судить по более поздним данным: исконное имение рода Писистрата, на-

²⁰ Интересно свидетельство Геродота (VIII, 44) о том, что Аттику первоначально населяли пеласги, позже называемые краиайцами, еще позже — кекропидами и затем — афинянами. На этом основании, как кажется, можно думать о ранней ассимиляции племен.

²¹ Может быть, воспоминание о древних племенах сохранилось в термине *μικαλάνται*, указывающем на материнский род. Интересны наблюдения Баттерворса о материлинеальной линии афинских басилевсов (Butterworth, ук. соч.). Попытки восстановления элементов первоначальных родовых отношений не могут быть названы удачными; в довольно спутанной традиции следы первоначальных родовых связей настолько переплетены, что попытки их восстановления до сих пор не могут быть признаны научными.

²² Ср. Р. Х. Лепер, Следы синоязычия двенадцати городов Аттики. Сб. археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, Пб., 1914, стр. 286 сл.

²³ Ср. предания о борьбе Тесея с Паллантидами и декелийцами, Эрехтея с Евмолпом, царем Элевсина и др. См. U. v. Wilamowitz-Moellendorf, *Aus Kydathen*, «Philol. Untersuchungen», I, 1880—1886.

²⁴ Однако Элевсин оставался независимым от Афин вплоть до VII в.

пример, было на территории Браврона. Расширение и укрепления Афинского акрополя также указывает, что роль Афин в объединении Аттики не вызывает сомнений ²⁵.

Напряжение всех сил на территории Аттики, требующее во имя спасения каждого рода общего объединения сил, отражено, по нашему мнению, у Плутарха в приписываемом Тесею стремлении создать ἀβασίλευτος πολιτεία.

Если когда-либо в Аттике и существовала общинная собственность на землю, засвидетельствованная много веков спустя наличием общинной земли в демах (во время реформы Клисфена), то ее начала потеряны; может быть, земли, отдаваемые от народа в Пилосском государстве в аренду, как-то связаны с первоначальным представлением о наличии, кроме родовых поселков, и земель фратрий или фил.

Афины в этот период племенных передвижений и завоеваний играли в Аттике первенствующую роль, поскольку в случае опасности объединение происходило вокруг Афин; акрополь Афин, как это выясняется последними археологическими исследованиями, имел мощные укрепления, не уступавшие ахейским центрам ²⁶.

Самый процесс объединения был, по-видимому, длительным. Вероятно, более поздней стадией были отдельные объединения демов или κῆμαι в форме союзов, причем момент племенного родства осложнялся целым рядом других — экономических, культовых и социальных моментов. Это всем известные примеры с 'Επακτρία или 'Επακρία χώρα (Etym. Magn. s. v.), по преданию, состоявшей из трех поселений: далее — амфикиктиония Зевса Гекалейского (Steph. Byz., s. v. 'Εκάλη); Браврон и Форик также представляли объединительные центры для ряда мелких поселков ²⁷; вероятно, то же можно сказать и о Месогее ²⁸; сюда же относятся и Трикомия (из демов Кропиды, Пелека и Евпириды) ²⁹ и Тетраполис (Марафон, Трикоринф, Эноя и Пробалинф) ³⁰, который ранее назывался, согласно Андротиону, 'Υστρινία ³¹.

Несомненно, однако, что и в период этих объединений, которым предшествовала еще большая раздробленность Аттики, Афины уже играли немаловажную роль; их явное преимущество заключалось не только в наиболее выгодном размещении в Педее, но и в обладании естественной крепости — акрополя, с которым холмы других поселений не могли сравниться в отношении как убежища, так и выгодной позиции для защиты от вторжений врагов. Не случайно поэтому, по свидетельству источников, басилевсы других микенских поселений в случае опасности приходили на совет к афинскому басилевсу.

²⁵ Ср. празднества: первоначально скромный праздник обитателей окрестностей Афинского акрополя — Ἀθηναία, затем Συνοικία и, наконец, Παναθηναία; клич Тезея (ср. Plut., Thes. 24).

²⁶ Ср. S. J a c o v i d e s, 'Η μυκηναϊκή ἀκρόπολις τῶν Ἀθηνῶν, Athen, 1962; цитирую по книге: M y l o n a s, ук. соч., стр. 35 (The Citadel of Athens, стр. 35—43): «Число структур, находившихся на его (Акрополе) вершине даже в ранние годы ПЭ III В периода, построены террасами стен значительной высоты, очевидно, служившими для защиты, хотя они первоначально не были созданы в качестве укреплений». Начальный период киклопических укреплений Афинского акрополя приходится на время около 1240 г., а к концу XIII в. укрепления акрополя были полностью завершены (см. там же, стр. 236).

²⁷ Ср. G. G l o t z, L'histoire ancienne, I, P., 1925, стр. 386 сл.

²⁸ G l o t z, там же; S. S o l d e r s, Die äußere städtischen Kulte, Lund, 1931, стр. 112 сл. и прим.

²⁹ Источники и литературу см. у Бузольта: G. B u s o l t, Griechische Geschichte bis z. Schlacht d. Chaeroneia, II², 80, B., 1897 и о н ж е, Griechische Staatskunde, II, B., 1926, стр. 119, 775, прим. 3.

³⁰ Ср. G l o t z, ук. соч., стр. 386 сл.; S t r a b o, 374 (VIII, 6, 15; 7, 1).

³¹ Андротион у Стефана Византийского: s. v.

В ПЭ III В—С период приток населения извне и необходимость предоставления земли нарушало уже установившиеся земельные отношения и немало содействовало разрушению родовой организации в низовых слоях общества, так как едва ли можно предположить, что все земли, предоставляемые знатным беглецам Пелопоннеса, были целинными землями без земледельческого населения. Вероятнее всего, следует думать, что эти земли отходили к ним уже с обрабатывающими их земледельцами³². Несомненно, что при объединении Аттики происходила и реорганизация родовых институтов в целях создания большей сплоченности всего населения вокруг единого центра Афин, руководивших совместной защитой территории страны от нападений извне³³.

Число самостоятельных фил, слившихся при объединении Аттики, связанном с именем Тесея, равнялось четырем, вероятно, на основе ионийского корня. Об этом вполне определенно свидетельствует традиция о четырех филобасилевсах, которые раньше могли быть басилевсами четырех племен³⁴. Одновременно в традиции отмечается приписываемое также Тесею разделение Аттики уже не по филам, но по социальным группам: евпатриды, геоморы, демиурги. Выделение знатных родов и их объединение должно было служить опорой происшедшего объединения Аттики. Такое объединение могло быть достигнуто лишь путем сплочения знатной верхушки всех родов, как правило, до этого времени разобщенных друг с другом и замкнутых в пределах каждого рода узкими экономическими интересами каждого отдельного рода, нередко враждебно противостоящего другим знатым родам³⁵. Объединение евпатридов в единый привилегированный класс, власть которого благодаря уже совершившейся концентрации лучших земель в руках знатной верхушки каждого рода и связанных с этим экономических и политических привилегий объединило евпатридов в единый, употребляя терминологию Энгельса, о с о б ы й класс, знаменующий начало возникновения единого государства, уже явно отличающегося от политического строя государств ахейского типа. Кроме того, такое объединение вне своих фил давало еще одно преимущество — включение ахейской знати, наделяемой землей на территории Аттики, в число исконных афинских евпатридов³⁶.

Выделение богатой знати в особый класс предполагает точную фиксацию привилегий евпатридов. Объединение Аттики в единую страну требовало упразднения самостоятельности так называемых «городов Кекропа». При этом одновременно фиксировалось число знатных родов, в руки которых переходила власть, и был указан общий, определяющий их всех признак — происхождение от богов и героев, фиксируемых для каждого рода в отдельности. Утверждение особой генеалогии на основе принципа знатности и богатства (знатность в то время была неразрывно связана с богатством, ср. *ἁριστίνδην*), придавало не только собственное лицо каждому роду, но и выделяло данный род от остальных сородичей.

³² Ср., например, владения рода Писистрата и его сыновей в Бравроне.

³³ После объединения Педией под главенством Афин начинается дальнейшее территориальное расширение Афинской территории: сначала в территорию Афин включается перешеек между Гимметом и Пентеликоном и Месогей, затем юго-восточная часть с Фориком и, наконец, Марафонское четырехградие.

³⁴ Эти аттические племена (φύλαι) также, конечно, не были уже естественно возникшими первичными племенами, но укрупненными племенными образованиями.

³⁵ Даже в период уже более отдаленный отдельные роды продолжали бороться друг с другом за власть, как это показал К. К. Зельин, в книге «Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э.», М., 1964.

³⁶ Возможно, что это наименование («сыновья (или потомки) знатных отцов») (или — по отцам), бывшее, как это показывают надписи позднего времени, названием одного рода, в этот период было распространено на всю афинскую знать.

В то время как низовые члены рода постепенно распадаются на «дворы» (*οἰκίαι*), знатные семьи (ср. *ἐπιφανεῖς οἴκοι*)³⁷, охраняющие и создающие уходящие в глубь мифических времен генеалогии, продолжают жить традициями рода. Их число и фиксируется в период объединения Аттики под общим родовым названием *εὐπατρίδης*. Один и тот же процесс разложения рода на семьи создавал на одном полюсе родовую знать, на другом — сельскую общину.

Таким образом, в результате преобразования, процесса, вероятно, довольно длительного, во главе каждого территориального округа стоит знатный род; распад родовых связей внизу объединен фратриями, поскольку евпатриды именно во фратриях сохраняют в полной мере свою религиозную власть, объединяющую местное население вокруг евпатридских культов. Все непричастные к этим культам фактически оказывались вне закона. Таким образом, родовые органы власти, узурпированные евпатридами, предоставляли им возможность неограниченной власти на местах, посредством родовых законов, получающих санкцию законов религиозных (*θεσμία*), т. е. устного религиозного права (*νόμοι ἄγραφοι*)³⁸.

Дальнейшее подразделение общества на геоморов (агройков) и демиургов означает, что здесь, в противовес первой группировке, мы имеем дело с другим принципом — принципом профессионального деления, которое легко объединяется в единое понятие «демотов» по признаку их непричастности к власти.

Дионисий Галикарнасский говорит, что евпатридами называли людей знатных и богатых, «которые по своему положению стояли во главе города. Агройками же — остальных граждан, которые не имели никакой власти в делах общины»³⁹. Здесь противоположение уже не профессиональное, но политическое. Такое толкование нас не может смущать, поскольку Дионисий, живший в конце Республики и начале Империи, мог объяснить это отличие только политически, в духе своего времени. Однако действительно земледельческое население Афин по мере возвышения власти родовой знати постепенно теряло все более свободу действий и решений в собрании демотов.

Деление общества на неблагородных и благородных не совпадало с делением на сельчан и горожан, и термины, встречающиеся в традиции для второй группы геоморов, могли существовать, не будучи синонимами, обозначая различные оттенки. Постепенно потеря ощущения родственности по

³⁷ Ср. D i o n. H a l., II, 8 (со ссылкой на Афинский государственный строй):... *Εὐπατρίδης μᾶλλον ἐκάλουν τοὺς ἐκ ἐπιφανῶν οἴκων καὶ χρήμασι δυνατοὺς, οἷς ἡ τῆς πόλεως ἀνέχετο προστασία. Ἀγροίκους δέ, τοὺς ἄλλους πολίτας, οἱ τῶν κοινῶν οὐδενὸς ἦσαν κύριοι.*

³⁸ Отсюда становятся понятными ошибки ряда крупных ученых, отрицающих на этом основании существование родовых организаций (*γένη*) для родового населения Аттики, но признающих наличие рода только для евпатридов, как их первоначальную организацию. Отсюда они делают вывод, что народ никогда не знал низовых родовых объединений, а объединялся только по фратриям. Против этого совершенно справедливо выступил в свое время Д. П. Костелло (D. P. Costello, *Notes on the Athenian γένη*, JHS, LVIII, 1938, стр. 171 сл.), приводя имена Кэри (САН, III, 584), Франкотта (Polis qresque, стр. 11), Белоха, Де Санктиса (Atthis, Roma, 1898) и Тёпфера (Attische Genealogie, стр. 2). Его очень интересная статья не объясняет, однако, процесса распада низовых организаций рода, совершившегося повсюду на территории Аттики.

³⁹ D i o n. H a l., II, 8. Наиболее отчетливый термин, употребленный Аристотелем в «Афинской политике» для обозначения крестьянина-земледельца, — *γεωργός*. Ср. Lex. Patm. стр. 152 (S a n k e l) = fr. 5 B l a s s i Schol. Plat. Axioch. 371 D = fr. 5, прим. В рассказе об избрании 10 архонтов после Дамасия из трех групп Аристотель перечисляет их: евпатриды, агройки, демиурги. Эд. Майер толкует агройков как nichtadelige Großbauern и, по-видимому, справедливо (Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, стр. 163). Термин *ἐπιγεωμόροι* стоит особняком (Et. Magn., s. v.; B e k k e r i Anecdota, s. v. 257), может быть, надо понимать как «следующие за земледельцами».

крови со знатью данного рода и все быстрее развивающееся в низах сознание не родственной, но территориальной связи с ее профессиональными и имущественными различиями, со смещением населения и переселением бедноты в город на поиски заработка заставило принять и другую реформу, относимую Энгельсом к более раннему периоду, — реформу родового строя в интересах все той же подымающей голову родовой знати. Это было тем более необходимо, что основой героической генеалогии евпатридов служило их богатство, наличие земли, скота, рабов, ценностей. Земельные владения знати увеличивались за счет экспроприации земель геоморов на основе возникающей долговой кабалы, и это может скрыть от нас то основное обстоятельство, что выделение евпатридов как правящей группы от остального народа произошло не на основе введения ценза, но на основе его отсутствия, поскольку установление имущественного ценза подорвало бы самый принцип родовитости. В этот период понятие знатности и богатства могло еще совпадать, но уже было недалеко время, когда среди евпатридов возникнет имущественное расслоение, засвидетельствованное для VII в. до н. э., а начавшееся, по-видимому, значительно раньше.

Таким образом, узурпация родовой власти в руках евпатридов должна была сопровождаться и четкой реорганизацией общества, которая закрепила бы прочно за евпатридами руководящее положение в стране. Такой организацией явилось искусственное воссоздание родов на основе военной организации общества, во главе которой стояла знать.

В схолиях к «Аксиоху» Платона, мы читаем: «Аристотель говорит, что весь народ в Афинах был разделен на земледельцев и ремесленников и составлял четыре филы, а в каждой филе было три части, которые называются тритгиями и фратриями. В каждой из последних было по 30 родов, а каждый род состоял из 30 мужчин. Эти последние, причисленные к родам, называются геннетами»⁴⁰ (перевод С. И. Радцига).

⁴⁰ Ср. Schol. Plat. Axioch. 371 D. О термине $\gamma\epsilon\nu\eta\tau\alpha\iota$ свидетельства лексикографов противоречивы. В Lex. Rhet. Seguer., p. 227 мы также встречаемся с отрицанием кровного характера родства: «О том, кто такие геннеты. Генос есть соединения, составленное из 30 мужей, участники которого назывались геннетами, не по рождению близкие друг к другу и не по одной и той же крови, но подобно тому как демотами и фраторами назывались имеющие некую общность в установлениях, так и геннетами (имеющих некую общность) в родственных празднествах или богатах, откуда они назывались оргонами». С другой стороны, имеются свидетельства, сближающие геннетов с гомогалактами. Ср. Philoch. ad Phot. 344; Suid., s. v. $\epsilon\rho\epsilon\sigma\tau\epsilon\varsigma$: «необходимо принимать как фраторов, так и оргонов и гомогалактов, которых мы называем геннетами». М. Нильсон полагает, что этот закон, вероятнее всего, следует относить к Солону (M. P. Nilsson, Geschichte der griechischen Religion, Münch., 1945, стр. 740 и прим. 4). У Поллукса (VIII, 111) мы наблюдаем полное сближение геннетов в правах с гомогалактами: $\text{o}\iota\ \mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\epsilon\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\eta\tau\alpha\iota\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\kappa\tau\epsilon\varsigma$. И, наконец (Phot., 332; Schol. Plat. Crit. 51 E), мы читаем: $\gamma\epsilon\nu\eta\tau\alpha\iota\ \text{o}\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \gamma\epsilon\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \alpha\pi'\ \alpha\rho\chi\eta\varsigma\ \epsilon\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma\ \kappa\omicron\iota\nu\acute{\alpha}\ \iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\ \text{o}\iota\ \delta\epsilon\ \epsilon\mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\kappa\tau\alpha\varsigma$, фраторас, $\sigma\upsilon\gamma\gamma\epsilon\nu\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\eta\tau\alpha\varsigma$. Из этого перечня следует исключить оргонов, самое название которого указывает на религиозные празднества ($\tau\acute{\alpha}\ \delta\rho\gamma\mu\alpha$) орфического характера, возникшие не ранее 700 г. до н. э. под влиянием Элевфина: ср. Hermann Thumser, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, t. I, ч. 2, Heidelberg, 1892, стр. 319 сл.

Сближение гомогалактов с геннетами, по-видимому, отражает следы уже стершегося материнского рода, наименование которого удержалось в силу родовой традиции. Позже в реформе, приписываемой Тесею, возникает обозначение $\gamma\epsilon\nu\eta\tau\alpha\iota$, т. е. прием в род не только аборигенов Афинской земли, но и беженцев, нашедших новую родину в Афинах. Новые переселенцы, по свидетельству Фукидида, сразу получали и землю и права гражданства: в те отдаленные времена стать полноправным человеком было возможно только путем включения численно возросшего населения в родовые организации Афинского общества. Свидетельства Филохора и Поллукса указывают на включение в род геннетов наряду с гомогалактами. Однако, поскольку у Филохора говорится о гомогалактах, «которых мы называем геннетами», а у Поллукса участвующие в родовых

В глоссе Патмесского лексикона (Lex. Dem. Patm., p. 152) мы читаем: «Каждый род содержал 30 мужей, объединенных (собственно: „построенных“) в роды; они назывались геннетами»⁴².

Число фил и фратрий не было затронуто реформой. Фиксация родов совершалась в пределах тех же старых территорий фил и фратрий. Подверглись изменению границы родов внутри фратрий, ибо к этому времени переселений и миграций ахейской знати, их дружин, ремесленников и аэдов на территорию Аттики требовало и перераспределения земель внутри родов и одновременно предоставление земель с поредевшим населением вновь прибывшим.

Объединение всего населения Аттики требовало в первую очередь ликвидации всех существовавших на ее территории бургов (ср. 12-градие) в период продолжающихся племенных миграций. Для этого прежде всего было необходимо объединение знати и создание военных организаций, способных защищать свои границы. Поэтому для укрепления и стабилизации родовой знати было чрезвычайно важно укрепить как раз низовую организацию рода. Выделение евпатридов в особый правящий класс, объединившийся вне своих родов, требовало реорганизации рода, основной опоры родовой знати. Распад родовых отношений в низах общества требовал унификации числа родов по фратриям и включения в это число вновь прибывших людей, беженцев, не связанных по крови с афинскими родами. Вероятнее всего, что в процессе унификации родов именно здесь и фиксировалась значительная часть героических генеалогий евпатридов, создавая четкую грань между евпатридами и неевпатридами. Однако знатные семьи далеко не исчерпывали весь состав фратрии, образуя лишь ее верхушку, которой была предоставлена возможность контроля как политического, так и религиозного⁴³.

Поскольку знатные семьи не исчерпывали состав фратрии, основной смысл реформы для знатной верхушки заключался в объединении распадающихся родовых связей в низах общины, где принцип кровного родства все более оттеснялся принципом территориального сожительства, т. е. сельской общины, которая, может быть, к этому времени не сопровождалась переделами земли; однако память об этих переделах сохранялась в среде аттических земледельцев, которые еще до реформ Солона выступали с требованием передела (или раздела) земли (γῆς ἀναδασμός).

организациях обозначаются как геннеты и гомогалакты, то это будто бы указывает на объединение в родовых организациях двух групп населения, еще отличающихся по своему происхождению. Самое название γέννηται носит несколько искусственный характер по сравнению с широко распространенным в Греции и на островах названием низовых ячеек рода — λίτροι. Позже это отличие двух наименований стирается в сознании людей, так же как и искусственность образования низовых родовых ячеек, и термин γέννηται становится общепризнанным и единственным обозначением всех членов рода, как исконных обитателей, так и переселенцев, осевших в Аттике на рубеже XII в. до н. э. У Исея (Ог. 7) мы уже встречаем обозначение рода только термином γέννηται (ср. εἰς τοὺς γέννητας καὶ εἰς τοὺς φρίτορας, οἱ γέννηται καὶ φρίτορες и т. д.). Ср. термин γέννηται у схолиаста к «Критону» Платона (51 E), где геннеты рассматриваются как члены одного и того же рода, с самого начала имеющие общие святыни, а гомогалакты приравниваются к фраторам, близким по родству с геннетами.

⁴² Ср. Lex. Patm. s. v. γέννηται: «Каждый род стал включать (εἶχε) 30 мужчин, объединенных в роды (εἰς τὰ γένη τεταγμένους), которые назывались геннетами». P o l l., Оном. 8, 111, s. v. γέννηται: «А члены геноса, геннеты и гомогалакты, по рождению не близкие (γένει μὲν οὐ προσήκοντες), а называемые так по связи (ἐκ δὲ τῆς συνόδου)».

⁴³ Ср. C. H i g n e t t, A History of the Athenian Constitution to the End of the 5-th Century B. C., Oxf., 1962³, стр. 36: «Согласно Плутарху, Тесей создал новое сословие в государстве, евпатридов, в дополнение к социальным слоям фермеров и ремесленников, которые уже существовали, а также, что он резервировал за ними новый порядок контроля как управления, так и религии».

«Каждый род ($\gammaένος$), — читаем мы в Патмосском лексиконе, — содержал 30 мужей $τοὺς εἰς τὰ γένη τεταγμένους$ (объединенных, „построенных“ в роды), которые назывались геннетами». Самое слово $τεταγμένος$, как это отмечалось ранее в литературе, указывает на искусственное построение рода. Но как раз это искусственное преобразование и было крайней необходимостью. Включение в род семейных объединений, не имеющих уже возможности точно указать своего предка-родоначальника, к которому они восходили по реальным или фиктивным, но точно фиксированным генеалогическим ступеням, именно благодаря этому и создавало возможность, в случае необходимости, увеличивать число родов во фратрии путем искусственной перегруппировки, базирующейся вокруг одного из знатных родов. Это отчетливо показано и в термине $γευνῆται$, с которым мы постоянно встречаемся у лексикографов ⁴⁴.

Общий термин $\gammaένος$, который так тщательно отделяется от кровных родов лексикографами (ср. $τὰ καλούμενα γένη$), находит подтверждение в наличии кровного родства евпатридских родов и искусственно созданных низовых $\gammaένη$.

Нетрудно поэтому указать и почву, на которой могли быть созданы эти два разных вида $\gammaένη$ и двойственное значение этого термина. Этой почвой была военная организация народа, как основа власти евпатридов. Именно поэтому геннетами, о которых только что шла речь, были прежде всего воины, составляющие $\gammaένος$ как военную единицу, включавшую 30 мужчин. Подобно тому как фила обозначает и филу (племя) и войсковое ополчение, ею выставленное, так и $\gammaένος$ был и подразделением фратрии и военным отрядом ⁴⁵.

Молодое рождающееся государство по мере своего формирования нуждалось и в создании новой уже государственной власти. Новые $\gammaένη$ были объединены не столько кровной связью, как политической основой родового строя, к этому времени уже пронизанного резкими социальными и имущественными противоречиями, сколько необходимостью организации, соответствующей новым потребностям возникающего классового общества. Новый принцип объединения $\gammaένη$ проник и внутрь фратрии. Оттеснение на второй план сначала филобасилеев, а затем и афинского басилевса, позже замененного в его функции верховного правителя ежегодно избираемыми (по знатности и богатству) архонтами, знаменовало рождение классового общества, скидывающего с себя родовую оболочку.

Филобасилевсам четырех фил и афинскому басилевсу противостоял и Ареопаг, одно из древнейших государственных учреждений Афин, еще тесно связанный с родовым правом. Но важно и здесь подчеркнуть уже отмеченное Энгельсом нарушение родовых принципов объединением в центральный совет знати евпатридов в не своих родов и над ними.

Четыре филобасилевса с афинским басилевсом во главе оказывались сильно урезанными в своих правах полномочиями Ареопага, как представителя объединенной Аттики на основе, фактически отменяющей как изоляцию, так и самостоятельность отдельных родов.

Конечно, общество этого времени, нарушая основу организации первоначального рода, отнюдь не упраздняло родовые традиции, которые служили, в первую очередь, интересам знати. Во-первых, это позволяло постепенно отгородиться от «захудалых», т. е. обедневших родов и, во-

⁴⁴ Ср. Н а г р о с т., s. v.: «Однако не родственники просто и не кровные назывались геннетами и членами одного и того же рода, но люди, искони разделенные в так называемые $\gammaένη$ ».

⁴⁵ Ср. P o l l u x, *Оном.* 8, 111, который прямо отождествляет $\gammaένη$ с тридцатками — $τριακίδες$.

вторых, на основе родовых традиций в дальнейшем закабалить родовую бедноту.

Распад родовых связей в низах, отсутствие денежного чекана, искусственные роды геннетов, причисленных к знатым родам во фратриях и филах, обеспечивали власть евпатридов и усиление евпатридских γένη, сохраняющих в личных интересах традиции родового строя для земледельцев и ремесленников, еще связанных с землей (ср. ἐπιγυρόβοι); продолжали еще существовать некоторое время четыре филобасилевса и афинский басилевс, на родовой основе возник Ареопаг⁴⁶, фиксировавший de jure то, что происходило de facto; сохранение θῆτροί, имеющих сакральную силу в установлениях родовой знати, поскольку эти θῆτροί объяснялись как нерушимые законы, переданные знати богами и богинями. И, наконец, институт кровной мести, в полной мере сохранивший свое родовое содержание (вплоть до VI в. до н. э.)⁴⁷.

В этот ранний период возникновения государства (ср. у Фр. Энгельса: der eben erst aufkeimende Staat⁴⁸) Ареопаг фиксировал выдвижение евпатридов как о с о б о г о класса, еще тесно связанного своими корнями с родовыми устоями раннеафинского общества.

Однако не следует понимать процесс объединения Атики как некий единичный акт, занявший сравнительно недолгий период своего осуществления. Самое объединение населения под властью евпатридов и афинского басилевса было очень длительным процессом⁴⁹, завершившимся окончательно вхождением в Афинское государство Элевсина около 700 г. до н. э. Однако упоминание у Гомера в каталоге кораблей Афин о царе Эрехтее и его народе (ср. II, II, 546—547) указывает на объединение, вероятно, в небольших масштабах, может быть, только в районе Педии; это согласуется с ПЭ периодом, поскольку именно в это время Аттика была еще разделена между отдельными центрами (по традиции городами Кекропа). Возможно также, что праздник Синойкий, о котором говорит Фукидид (II, 15)⁵⁰, был связан с объединением страны. Хигнет, как нам кажется, правильно замечает: «Если это событие, увековеченное в празднике, не было фактическим объединением, то оно было его добавлением, собранием благородных фамилий из различных частей Аттики, которое оформило аристократию нового государства»⁵¹.

Однако вряд ли можно согласиться с тем, что это древнее объединение Атики после крушения ахейских государств, по мнению Хигнета, было разрушено центробежными тенденциями, превалирующими в Греции в последний период смут и волнений, и поэтому труд объединения страны

⁴⁶ Возможно, что первоначальный совет по главе с басилевсом Афин и его советниками — филобасилевсами, пополненный¹ представителями знатных родов, положил начало общему совету Ареопага, территориально отделенному от акрополя. Ср. Wade-Gery, «Cl. Quart.», 25, 1931, стр. 639.

⁴⁷ Замена кровной мести возможностью уплаты «выкупа за кровь» была фиксирована в законах Дракона; родовые изгнания имели место еще в VI в. Ср. изгнание рода Алкмеонидов после победы Исагора (Ath. Pol. XX). Ср. также их изгнание после подавления смуты Килона.

⁴⁸ Fr. Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats, М. — Л., 1934, стр. 100.

⁴⁹ Возможно также более позднее включение Марафонского четырехградия. Позднее вхождение Марафонского четырехградия в состав Афин предполагается, в первую очередь, потому что оно имело специальных представителей в афинских посольствах в Дельфы (ср. Ditt., Syll.³ II, 541); однако в почетном постановлении в честь посла Четырехградия Кидиппа, сына Кидиппа, сынов Эантиды, дема Энои, он именуется афинянином. Надпись эта относится к концу III в. до н. э. (около 215 г.).

⁵⁰ У Плутарха (Thes. 24) этот праздник называется Μετοίχιζ.

⁵¹ Hignett, ук. соч., стр. 36 сл.

вновь был повторен в VIII в.⁵² Нам представляется, что свидетельство дельфийской надписи о послах тетраполиса могло быть также и восстановлением древних религиозных связей с Дельфами в культе, который мог оставаться обособленным местным культом, независимо от происшедшего объединения⁵³.

Древняя Прасия (совр. Рафти) была одной из важных гаваней и в ПЭ период и в послемикенское время, как так памятниками засвидетельствовано продолжение связей Аттики с Малой Азией и в ПЭ период и в период передвижений племен.

Мы подошли к концу того периода, когда, по словам Энгельса, притязания евпатридов, объединившихся в особый привилегированный класс, были освящены «зарождающимся в этот период государством». В это время знатные семьи евпатридов все более узурпировали в свою пользу родовые органы власти, хотя первоначально знать, входившая, по выражению К. Маркса, «в структуру генеалогического древа», еще была связана с родовыми традициями. Дальнейшее развитие противоречий между знатью и простым народом постепенно превращала эту прежде естественную связь в орудие насилия и произвола.

PROBLEMS CONNECTED WITH THE RISE OF THE ATHENIAN STATE

by K. M. Kolobova

The article deals first with the peculiar fate of Attica after the general destruction of the Achaean palaces in the South Balkans, which only Athens survived. With the help of Athens, Achaean refugees made their way to Ionia, where the Homeric epos was preserved and completed. The author then considers the gradual unification of the different districts of Attica round Athens at their centre, and the contribution made by Achaean refugees to the growth of the population of Attica. The so-called reforms of Theseus are examined next — that is, as Engels put it, the formation in Attica of distinct but not yet antagonistic classes.

⁵² Там же, стр. 36.

⁵³ Ср. запрет браков между Палленой и Агнунтом — P l u t., Thes. 13.